

*Кана
Тепло*

18+

ТРЕТЬЕ

Знание

По Осколкам

По Осколкам

Ким Тёрн

Третье Дыхание

«Автор»

2026

Тёрн К.

Третье Дыхание / К. Тёрн — «Автор», 2026 — (По Осколкам)

"После той аварии не переношу больницы. А теперь нахожусь тут с той, которую хотел бы не видеть до конца своих дней. Зачем я сказал ей имя нашего погибшего отца? Чёртово здание. Чёртов день. Чёртова жизнь." С рождением сына жизнь Мии разделилась на "до" и "после". Третье дыхание не помогает: тело потеряло форму, а тоска по прежней беззаботности загоняет в апатию. Следуя внутреннему импульсу, Мия записывается на бокс - туда, где работает он. Чтобы не сидеть дома и привести себя в порядок - так она пытается себя убедить. Лиам давно вычеркнул их из своей жизни. Вспыхнув первой искрой, он точно не даёт второго шанса. Но на самом деле её не отпускает надежда: всё ещё можно исправить. Но что произойдёт, когда два упрямых характера столкнутся снова - не на ринге, а на арене под названием жизнь? Примет ли Мия поражение или сможет растопить сердце врага?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ким Тёрн

Третье Дыхание

Пролог

— Я на перекур! — кричу ученику, который сейчас переодевается в раздевалке для тренировки. Голос отскакивает от плитки и глухо возвращается обратно.

На улице свежо. Прохладный октябрьский воздух обдаёт лицо, остужает разгорячённое после занятий тело. Я выдыхаю чуть глубже, чем нужно, будто пытаюсь вместе с воздухом вытолкнуть из себя всё лишнее.

Обнаружив, что пачка сигарет пуста, внутри закипает злость. Резко встряхиваю её, словно сигареты могут появиться из ниоткуда. Пусто. Приходится сорваться на этом бесполезном куске картона. Кулак мнёт упаковку так, что та хрустит, прогибается, впивается острыми краями в ладонь.

Никогда не курил. Был спортсменом до мозга костей. А потом всё полетело к чертям.

Сначала я пристрастился к горячительным напиткам, но быстро понял, чем это закончится. Пару раз едва не проспал утренние тренировки, приходил с тяжёлой головой, с привкусом металла во рту. Ещё немного — и вылетел бы с работы. Пришлось выбрать меньшее из зол — сигареты.

Скоро будет год, как Бу уехала со своим парнем. С тем, чей брат виновен в том, что наша семья едва устояла на ногах. Она выбрала его, а не семью. Просто взяла и ушла, будто так и надо.

Меня разрывало на части. А её ежедневные сообщения, где она писала, что любит меня, выводили ещё сильнее. Телефон в руке вибрировал, экран загорался, и с каждой строчкой внутри только сильнее скручивало.

Пару раз я приходил к дому Мейсонов. Сам не помню, как там оказывался. Ноги сами несли к этому месту, как по накатанной. Сквозь туман ярости, застилающий глаза, я почти не замечал дороги. В голове была только одна мысль — снова врезать этому уроду, который смел называть себя моим другом.

Я пару раз видел, как он возвращался домой. И каждый раз в ужасном состоянии: его ноги едва передвигались, плечи были опущены, взгляд потухший.

Вид — как у побитой собаки.

Нападать на него в таком состоянии смысла не было. Даже злость отступала, оставляя после себя глухое раздражение. Но он, словно назло, появлялся передо мной только таким — сломанным, уже кем-то добитым.

Пришлось искать другие пути, как выплеснуть агрессию. Сначала — усиленные тренировки. Я загонял себя до дрожи в руках, до сбитого дыхания, пока мышцы не начинали ныть. Затем мне предложили стать тренером в нашем зале. И я согласился, не раздумывая. Нам нужны были деньги. Мы и так уже продали дом, в котором я вырос.

А чуть позже Дарелл, ещё один тренер нашего зала, рассказал мне о подпольных боях. Сказал это как-то между делом, будто речь шла о подработке грузчиком. И я решил не упускать возможность ещё одного способа спустить пар.

Только агрессия продолжала расти. Она не уходила вместе с потом и болью, а, наоборот, копилась где-то глубже. Особенно после неудачных боёв. Когда выходишь с ринга, чувствуя вкус крови во рту и гул в голове, а внутри — всё то же. И нифига это не приносило ни малейшего облегчения.

Пока я не познакомился там с Эммой. Высокая, стройная брюнетка подрабатывала на подпольных боях — той, которая выносит таблички с номером раунда. Держалась уверенно, двигалась легко, как будто всё это — обычный вечер, а не грязный зал с запахом пота и крови.

Девчонка долго пыталась привлечь моё внимание. Ловила взгляд, задерживалась рядом чуть дольше, чем нужно, улыбалась. Но мне это было неинтересно. А потом как-то узнала про мой день рождения в апреле. Я тогда решил провести весь день и ночь в зале, чтобы не вспоминать о своём одиночестве. Просто забить себя делами, чтобы не оставалось ни одной лишней мысли. И она притаилась среди ночи, чтобы поздравить.

Я почти прогнал её. Уже открыл рот, чтобы сказать, чтобы проваливала, как вдруг в голове всплыло давнее воспоминание — резкое, неприятное, как удар под дых. От него я до сих пор иногда просыпаюсь по ночам в холодном поту, с тяжёлым дыханием и липкой кожей. Пришлось позволить ей остаться. А ещё оседлать меня прямо на скамейке в мужской раздевалке.

Как оказалось, секс тоже — неплохой способ выпустить пар. Тело наконец-то отпустило, напряжение спадало, мысли на время замолкали. И, в отличие от боёв, после него не возникает желания начистить рожу ещё кому-нибудь. Наоборот, внутри становится тише. Ненадолго, но достаточно, чтобы перевести дыхание.

Так мы и начали с ней встречаться. О любви речи не идёт. Это скорее симпатия. Мне с ней комфортно: она не лезет с вопросами, не дуется, что я уделяю ей мало времени. Не пытается залезть в голову или вытянуть то, что я не хочу говорить. Просто приходит, когда мне нужно расслабиться, и делает всё, что от неё требуется.

И злость постепенно угасала. Не исчезла полностью, но уже не разрывала изнутри, как раньше. Стала тише, глуше. Я даже помирился с Бу. Хотя это громко сказано. Пока мы просто обмениваемся сообщениями. Узнаём, как дела, иногда делимся семейными новостями. Про её парня и его семью не говорим. Эта тема висит между строк, но мы оба её обходим. Думаю, она и сама понимает, что лучше туда не лезть, мы и без того до конца не разобрались в наших отношениях.

— Идёшь? Тебя уже ждут, — голос Дарелла за спиной заставляет меня обернуться.

Я машинально перевожу взгляд на наручные часы и понимаю, что простоял так, погружённый в мысли, пятнадцать минут. Секундная стрелка идёт своим ходом, а у меня этот кусок времени просто выпал.

— Иду, — вздыхаю, чувствуя досаду от того, что покурить так и не удалось. Пальцы сами по себе всё ещё сжимают смятую пачку.

В последний раз оглядев людей, гуляющих в парке через дорогу, я вдруг застываю. Взгляд цепляется за движение. Моргаю несколько раз, будто это может стереть картинку перед глазами.

Синяя макушка мелькает в толпе, выбивается из общей серой массы, как пятно краски.

Сделав пару шагов ближе к дороге, я щурюсь, пытаюсь разглядеть девушку получше. Сердце в груди неприятно дёргается.

Мия. С огромным животом.

Где-то внутри сразу неприятно ёкает. Мне уже хочется развернуться и пойти обратно в зал, закрыть за собой дверь и сделать вид, что этого не было. Потом спокойно убедить себя, что мне показалось.

Только я смог успокоиться. Только вычеркнул эту семейку из жизни. И вот — пожайлуйста.

Но в следующий момент Мия хватается за живот и резко сгибается пополам. Пальцы впиваются в ткань, лицо искажается от боли. Я вижу, как она пытается идти вперёд — неуверенно, спотыкаясь, делая каждый шаг через силу.

Меня рвёт на части. Одна — уже разворачивается к двери зала. Другая — упрямо тянет вперёд, повторяя одно и то же: ей нужна помощь.

Чёрт. Нафига я вырос тем, кто не может пройти мимо?

— Дел, подменишь ненадолго? Мне надо отойти, — бросаю через плечо, уже не оборачиваясь.

— Давай, — доносится в ответ.

Я срываюсь с места. Асфальт под ногами отдаётся глухими ударами, когда перебегаю через дорогу, почти не глядя по сторонам. В груди тяжелеет с каждым шагом. Подхожу ближе. Теперь видно всё чётче: её дыхание сбито, плечи напряжены, рука всё ещё прижата к животу. Я останавливаюсь, чтобы убедиться, действительно ли она нуждается в помощи.

И вдруг она снова сгибается, сильнее, чем в прошлый раз, и на моих глазах начинает терять равновесие. Тело подаётся вперёд, колени подгибаются.

Внутри что-то щёлкает.

Я резко ускоряюсь и успеваю подхватить синеволосую, прежде чем она рухнет на землю. Одна рука ложится ей на спину, вторая перехватывает под локоть, удерживая. Её вес наваливается на меня, и я чувствую, как она едва держится.

— Лиам! — со странным восторгом вскрикивает она, и на секунду в её глазах мелькает что-то почти радостное. Но тут же лицо искажается, она резко морщится от боли, сжимает зубы.

— Я вызову скорую, — обрываю всё это, понимая, что сейчас не время для разговоров. Пальцы быстро находят телефон в кармане, я почти не глядя набираю номер.

Коротко называю адрес диспетчеру, сжато отвечаю на вопросы. Голос звучит ровно, хотя внутри всё неприятно тянет.

Закончив, убираю телефон и помогаю ей устроиться на лавочке. Осторожно придерживаю за плечи, чтобы не завалилась вбок. Она тяжело дышит, пальцы всё ещё впиваются в живот.

Первая мысль — позвонить Бу. Сказать ей, чтобы передала новость парню. А тот уже своим родителям.

Но старые обиды тут же напоминают о себе. Скребются под кожей, как заноза, которую так и не вытащили. Я сжимаю челюсть и отбрасываю эту идею.

Ладно. Девчонка уже не маленькая. Сама разберётся.

Когда подъезжает машина скорой помощи, звук сирены режет по ушам. Двери распахиваются, к нам быстро подходят врачи, задают вопросы, осматривают её.

Я отхожу на шаг в сторону и поднимаюсь с места. Всё. Я своё дело сделал. Пора возвращаться.

Но вдруг кто-то цепляется за мою руку, и я резко оборачиваюсь.

— Поедешь со мной? — Мия смотрит прямо на меня. Взгляд растерянный, в нём уже нет той уверенности, что была раньше. — Пожалуйста, я боюсь, — голос срывается, становится тише, почти ломается.

Перед глазами на секунду всплывает Бу: та же интонация, тот же взгляд, когда ей было страшно. Я всегда на это вёлся.

Я коротко рычу сквозь зубы, больше от злости на самого себя.

— Ладно, — бросаю резко, уже понимая, что выбора у меня нет.

Забираюсь вместе с ней в машину, пригибаясь, чтобы не задеть головой проём. Металл внутри холодный, воздух пахнет лекарствами.

По пути быстро набираю сообщение Дареллу, что вернусь позже.

Слишком некомфортно. После той аварии я и так с трудом переношу больницы. Белые стены, запах антисептика, этот звук аппаратов — всё это давит. А теперь я еду в машине скорой помощи. Ещё и с той, которую хотел бы не видеть до конца своих дней.

Даже не видя своего отражения, я чувствую, как напряжена каждая мышца на лице. Злость сидит глубоко, глухо пульсирует на всю эту дурацкую ситуацию.

— У меня будет мальчик, — подаёт тихий голос Мия. Слова даются ей с усилием.

— Поздравляю, — выплёвываю я, даже не глядя в её сторону. Смотреть не хочется.

— Я ещё не придумала ему имя. Есть варианты?

Шея хрустит от того, как резко я поворачиваю голову. Взгляд цепляется за её бледное лицо.

— С чего у меня должны быть какие-то варианты. Твой же сын.

— У меня в голове так пусто, — она усмехается, криво, сквозь боль, на секунду прикрывая глаза. — Ну хотя бы парочку имён назови.

Я раздражённо выдыхаю, проводя рукой по лицу.

— Теодор, — бросаю без задней мысли, просто чтобы она отстала.

И почти сразу замираю. Чёрт. Зачем я сказал ей имя нашего погибшего отца? Слова повисают в воздухе, неприятно звенят в голове.

— Неплохо, — бормочет она, словно пробует это имя на вкус.

К моему счастью, синеволосая больше не лезет с разговорами. Только тихо дышит, иногда срываясь на короткие стоны. Машина трясётся на кочках, сирена где-то над головой режет слух.

Мы быстро доезжаем до больницы.

Меня останавливают на стойке регистрации, преграждая путь.

— Документы, — сухо бросает женщина, даже не поднимая глаз.

Я качаю головой, делая шаг назад.

— Я только доехал с ней сюда. Дальше не пойду.

Бросаю взгляд на Мию. Она лежит на каталке, сжимая простыню, лицо напряжено, губы побелели.

— Всё в порядке. Я сейчас позвоню Рейну, чтобы он приехал, — говорит она, стараясь держаться.

Имя отзывается внутри мгновенно. Ноздри раздуваются, к лицу приливает жар, в груди снова поднимается ярость.

— Ты похож на злого быка, — вдруг хихикает Мия, и это звучит почти неуместно на фоне её состояния. Сквозь слёзы, сквозь боль. — А я — тореадор. Который сейчас выпустит на свет маленького Теодора. Смешно...

Она продолжает тихо смеяться.

Я смотрю на неё ещё секунду. Потом резко отвожжу взгляд. Оставив её под присмотром врачей, я почти выбегаю из больницы. Двери за спиной с глухим звуком захлопываются.

Чёртово здание. Чёртов день. Чёртова жизнь.

Глава 1

— Я надеюсь, вы с Хлоей предохраняетесь. Двух таких орущих ребёнка мне в этом доме не надо, — бубнит Мия, продолжая с закрытыми глазами качивать на руках плачущего сына.

— С чего ты взяла, что мы... — Рейн едва не роняет стакан воды от такого заявления.

— Я не сплю каждую ночь! — возмущается сестра. — Думаешь, не слышу, что происходит иногда в вашей комнате? Да и по твоему довольному лицу по утрам всё понятно!

— Ладно, ладно, — Рейн вскидывает ладони в воздух в знак того, что сдаётся. — Так, дай мне Тео. А сама иди прими душ.

— Теодор Эштон Мейсон, молю тебя, доведи своего дядю так, чтобы он ещё несколько лет не задумывался о своих собственных детях.

Мия специально произносит имя ребёнка полностью. Знает, как брата до сих пор бесит то, что Эш дал ему второе имя своё. Хотя старший Мейсон сам был в шоке от поступка сестры.

Когда она предложила ему выбрать, Эштон в шутку назвал своё — скорее, чтобы пошутить, чем всерьёз, приняв вызов и будучи уверенным, что девушка отступит. Но она не отступила. Сдержала слово без колебаний, просто кивнула, будто речь шла о пустяке.

И теперь Мия искренне не понимает, чего все так удивляются.

Добравшись до своей спальни, синеволосая открывает дверь и практически на ощупь идёт к шкафу, чтобы достать чистую одежду.

— Блин, — визжит она, когда мизинцем спотыкается о кроватку сына.

Ухватившись рукой за ушибленную ногу, она начинает прыгать на другой, стиснув зубы. Но равновесие подводит: тело заваливается в сторону, и она неловко падает на пол. Удар смягчает светлый пушистый ковёр.

Желание сходить в душ пропадает. Хочется остаться тут. Лежать на мягкой поверхности, раскинувшись, глядя в потолок, в полной тишине и покое, которых так давно не было.

С тех пор как её выписали из роддома месяц назад, она забыла, что такое сон. Короткие провалы в темноту не считаются. Родные помогают ей чем могут: подхватывают малыша, дают передышку. Но вся ответственность всё равно лежит на ней тяжёлым, постоянным грузом.

Уже даже любимого третьего дыхания не осталось. Только поверхностные вдохи и усталость, осевшая где-то глубоко внутри.

На следующей неделе у неё день рождения, и всё, о чём она попросила, — отпустить её на пару часов погулять по городу. Одной. Наедине со своими мыслями, без коляски, без чужих голосов, без постоянного напряжения в плечах.

Как раз приедут Эш с Бри, так что няnek будет достаточно. Мысль об этом немного успокаивает: ребёнок будет не один, а она сможет просто идти, куда захочется, и хотя бы ненадолго побыть собой.

Ей будет двадцать лет. Самое время для тусовок, приключений и необдуманных решений.

Девушка мотает головой, прогоняя мысли о тех самых необдуманных решениях. Именно они и привели её к тому, что в свои годы она уже стала матерью-одиночкой.

А ещё она безумно скучает по своей яркой, экстравагантной одежде. По вещам с характером, по смелым цветам, по ощущению, что ты заметна. Теперь приходится почти безвылазно сидеть дома и носить только что-то удобное и практичное: мягкое, растянутое, то, что не жалко испачкать и выбросить. И от этого становится особенно тоскливо.

Но чего у неё не отнять, так это энтузиазма. Собравшись, Мия поднимается с пола, достаёт из шкафа чистую одежду и направляется в ванную, всё ещё прихрамывая.

Бросив взгляд в отражение зеркала над раковиной, она замечает отросшие корни. Волосы выглядят тусклее, чем раньше. Пора доставать новый тюбик краски. Но не сейчас, сейчас она слишком устала.

Иногда Мию пугает другое: чем дольше она вязнет в рутине, тем сильнее угасает. Она привыкла жить на полную катушку. Всё время быть в движении, цепляться за жизнь обеими руками. Это давало ей необходимую энергию, держало на плаву.

А теперь только бесконечные кормления, смена подгузников, походы к врачам. Круг, который повторяется изо дня в день. Вот и все события последнего месяца.

Очень горячая вода обжигает кожу, заставляя вздрогнуть. Небольшое помещение тут же окутывает густым паром, скрывая обзор.

Намылившись любимым гелем с ароматом ванильного мороженого, Мия словно возвращается к жизни. Плечи понемногу опускаются, дыхание выравнивается. Она глубоко вдыхает, пропуская запах в самую глубину, будто вместе с ним внутрь возвращается забытое ощущение себя.

— Вот же кайф, — не сдерживается она от приятных ощущений.

Но теперь даже душ приходится принимать быстро.

Натянув чистую одежду и обмотав мокрые волосы полотенцем, она спешит на первый этаж.

— Пф, мужчины, — усмехается девушка, заметив на диване рядом с братом Хлою. Блондинка держит на руках маленького Тео и что-то тихо ему напевает. — Вечно скидывают детей на женщин.

— Ш-ш-ш, он уснул, — шёпотом произносит Хлоя.

— Везёт ему, — вздыхает синеволосая.

— Ты тоже можешь поспать, пока мы с ним посидим, — предлагает Рейн.

— Боже, я тебя обожаю. — Она бросается на шею брата и начинает зацеловывать. — Всё, пока. Не будите ни при каких обстоятельствах, — машет она ребятам и несётся к себе в комнату.

Не заботясь о сушке волос, Мия бросается на кровать лицом вниз. Глубоко вдыхает, а на выдохе неожиданно отключается.

— Эй, — будит синеволосую чьё-то прикосновение к плечу.

— Лучше убрать от меня руку, пока я её не отгрызла... — мямлит она, не желая выплыть из крепкого сна.

— Тео надо покормить.

Только услышав, что сын нуждается в ней, Мия разлепляет тяжёлые веки и встречается взглядами с Рейном.

— Сейчас, — с усилием она отрывает уставшее тело от кровати.

Полотенце на голове промокло насквозь и стало холодным. Морщась от неприятного ощущения, Мия откидывает его в сторону и наспех собирает всё ещё мокрые волосы в высокий пучок, туго стягивая резинку.

Едва переступив порог спальни, она слышит жалобный детский плач с первого этажа. Материнское сердце ёкает. Она замирает на секунду, прислушиваясь, и усталость отступает. Какой бы вымотанной она себя ни чувствовала, каждая слезинка малыша отзывается в ней тихой, тянущей грустью.

— Иди ко мне, — тянет Мия руки к сыну и забирает его у Хлои. — Спасибо, что посидели с ним. Дальше я сама, — обращается она к подруге и брату.

Вернувшись в свою комнату и удобно устроившись на кровати, она прикладывает сына к груди. В комнате раздаются тихие звуки причмокиваний, маленькие ручки цепляются за её одежду, будто пытаются удержать рядом как можно дольше.

— Да куда я от тебя денусь, красавчик, — шутит Мия, вглядываясь в лицо сына. Её губы слегка растягиваются в улыбке, а одна рука осторожно поглаживает его спинку.

Ответственность свалилась на её плечи так неожиданно, что подготовиться она не успела. Ещё пока ходила беременной, Мия и представить не могла масштаб всего, что станет с её жизнью. Но она ни о чём не жалеет. Это был её выбор, который привёл к тому, что теперь она держит в руках маленький комочек безграничной любви.

После кормления малыш срыгивает, испачкав как свою одежду, так и кофту мамы. Мия лишь тихо вздыхает, слегка улыбаясь его привычке.

— Ну вот, — вздыхает она. — Зря душ принимала.

Крепко держа сына одной рукой, второй она достаёт из шкафа чистые вещи для них обоих. Идёт в ванну, не запирая за собой дверь и оставляя её слегка приоткрытой.

Ванна начинает наполняться тёплой водой. Мыться по очереди кажется пустой тратой времени, поэтому Мия быстро раздевает только малыша и осторожно садится с ним в ванну прямо в своей одежде. Ткань промокает мгновенно, но тёплая вода и присутствие сына делают это терпимым. Маленькое тело прижимается к ней, и она чувствует, как тепло ребёнка согревает её сильнее воды.

— Если усну — разбуди, — просит она малыша и издаёт смешок, сама понимая, как глупо это звучит. — Слушай, — продолжает она болтать с ним, крепко держа на руках, — как думаешь, может мне выбрать другой цвет волос? Синий уже поднадоел.

Но Тео, естественно, молчит. Лишь машет ручками, разбрызгивая воду.

— Молчание — знак согласия, или просто считаешь мою идею настолько абсурдной, что она не заслуживает ответа?

— Хватит приставать к моему племяннику со своими идеями, — слышится голос брата за дверью.

— Входи, я одета, — отвечает Мия.

Едва Рейн распахивает дверь, как застаёт сестру в ванне в насквозь промокшей одежде.

— И часто ты так делаешь? — осматривает он её.

— А какая разница? Вместе веселее. И это мой сын. Как хочу, так и провожу с ним время, — показывает она язык брату.

— Эм... ты же помнишь, что он в любой момент может испражниться? Прямо в воду...

Глаза синеволосой округляются и наполняются ужасом.

— Блин, — она резко поднимает малыша в воздух, и тот начинает недовольно кряхтеть.

— Мия, он замёрзнет! — подлетает к сестре Рейн, отбрасывает трость и выхватывает у неё из рук племянника.

Он присаживается на колени и опускает Тео обратно в воду, держа одной рукой. Другой заботливо поливает его голову.

— Иди переоденься, — обращается он к сестре. — Или можешь помыться в ванне родителей. Ты принесла во что его потом одеть?

— Ага, — кивает сестра, перелезая через бортик.

— А подгузник?

— Ой... — девушка хлопает себя мокрой ладонью по лбу. — Не смотри на меня так, это всё недосып.

— Ладно, не бери в голову, — с пониманием улыбается брат. — Я укутаю его в полотенце и одену уже в спальне.

Перед тем, как уйти, Мия подходит к Рейну со спины и обнимает за шею.

— Люблю тебя, — целует она его в затылок. — Чтобы я вообще без тебя делала?

Не дожидаясь ответа, она спешит в спальню родителей, оставляя за собой влажные следы на полу. В каждом коротком шаге всё равно ощущается спешка.

Она старается. Как может. Но в груди неприятно ёкает от мысли, что без помощи родных она бы до сих пор не справлялась со своей новой ролью матери. Сердце сжимается от этой горечи, хоть внешне она держится ровно, стараясь не показать усталость и внутреннее волнение.

Глава 2

— Кажется, у меня депрессия, — мямлит Мия, лёжа лбом на столе.

— Ты и депрессия — две параллельные, которые никогда не пересекутся, — подмечает Рейн, сидя с Тео в руках, и трясёт над ним яркую погремушку.

— Ладно, я преувеличиваю. Но поддраматизировать можно?

— Чего ты с утра не с той ноги встала?

— Я не чувствую себя собой, — синеволосяя поднимает голову, смотрит на брата и говорит это с грустью в голосе. — Осознаю, что как раньше уже не будет. Но всё равно сложно. Ни секунды личного времени, все планы теперь крутятся только вокруг сына, даже мой внешний вид, — обводит она руками своё тело. — Бледная, с вечно отёкшими глазами. Да и дурацкий выпирающий живот всё никак не уйдёт.

— Мия, — серьёзным тоном говорит Рейн. — Прошёл всего месяц. Тео подрастёт, станет легче.

— Не сойти бы с ума в ожидании этого момента...

Рейн кладёт племянника в стульчик для кормления и подходит к сестре. Крепко окутывает её своими объятиями и целует в макушку.

— Ты сильная и со всем справишься, — пытается он подбодрить уставшую сестру.

— Не хочу быть сильной, — протестует она тоном капризного ребёнка. — Хочу смотреть телек в мягкой, чистой, — последнее слово она произносит чётко, — объедаться сладостями и иногда проситься к вам на руки, когда грустно.

Малыш кричит, и в комнате раздаётся уже привычный для всех звук.

— Молодой человек, я сменила вам подгузник десять минут назад! — возмущается Мия. — Откуда из тебя столько выходит, ты же не ешь так много!

Рейн не может сдержаться и начинает громко смеяться. А потом резко замолкает и делает шаг назад, когда замечает на себе умоляющий о помощи взгляд сестры.

— Не-а, — мотает он головой. — Я помогу тебе с чем угодно в любой момент, но к такому я ещё не готов.

— Уф, — раздосованно вздыхает Мия.

Подхватив сына на руки, она невольно морщит нос от характерного аромата, который безошибочно сообщает о срочности дела. На секунду закрывает глаза, выдыхает и, смирившись со своей обязанностью, поднимается в свою комнату.

Расстилает на кровати пелёнку, аккуратно укладывает Тео и начинает раздевать его, стараясь не торопиться. Каждое движение выверено, почти осторожно-робкое. Мия до сих пор боится делать что-то резко: сын кажется ей настолько крошечным и хрупким, что любой неосторожный жест в воображении тут же оборачивается бедой.

Уходит немало сил и терпения, чтобы наконец переодеть ребёнка в чистую одежду. Тео извивается, недовольно хмурится, тихо сопит, будто протестуя против вмешательства. Мия сдержанно улыбается, поправляет рукава, проверяет, не жмёт ли воротник.

А ещё пора бы его уложить. Мысль об этом отзывается усталостью где-то под рёбрами, как отдельная часть пытки для молодой матери, к которой она каждый раз морально готовится, как к маленькому испытанию.

Бросив грязный, свёрнутый подгузник в коридор через открытую дверь, Мия подхватывает сына на руки и начинает медленно ходить по комнате, покачивая его у груди. Тихо напевает выдуманную мелодию без слов, больше похожую на ритм дыхания, чем на песню.

Тео протестует: кричит, активно машет ручками, дёргается, выгибается. Мия чуть крепче прижимает его к себе, продолжая бродить по комнате, терпеливо и упрямо, как умеют только очень уставшие матери.

— Понимаю, я тоже ненавидела дневной сон, — тихо произносит она. — Но врачи сказали, что надо. Это важно для твоей нервной системы.

Кто бы мог подумать, что синеволосая когда-то будет следовать чётким указаниям, а не делать только то, что сама считает нужным. Она и сама от себя такого не ожидала. Но забота о сыне перевесила упёртый характер, всегда идущий наперекор.

Прошёл почти час, прежде чем Тео наконец уснул. Его дыхание выравнивается, ручки расслабляются. Мия осторожно перекладывает сына в кроватку, задерживая ладони ещё на секунду, словно проверяя, не исчезнет ли это хрупкое спокойствие. Накрывает пледом, поправляет край.

Сейчас бы и самой провалиться в сон, позволить телу просто отключиться. Но если спать всякий раз вместе с малышом, то времени на себя совсем не останется. А она и так чувствует, как его становится всё меньше.

С этой мыслью Мия заходит в свою крохотную гардеробную. Здесь всё осталось прежним. Единственное место в доме, где нет ни единой детской вещи. Маленький уголок, в котором она снова может побыть собой, без спешки и постоянной настороженности.

Мия проводит пальцами по куче цветных ободков. Те чуть звенят друг о друга. Некоторые были куплены в детских магазинчиках, другие — сделаны собственными руками, с неровностями, но с характером. Каждая вещь хранит кусочек прежней жизни.

В пальцах появляется назойливый зуд от желания снова что-то сотворить. Мия открывает верхний ящик маленького комода в углу и внимательно рассматривает россыпь коробочек со стразами, кусочками ткани и разноцветных блёсток. Сердце на секунду отзывается тихим, почти забытым волнением.

Желание есть, а вот мыслей, что из этого всего создать, — ни одной. С раздражением захлопнув ящик, Мия тут же замирает. Звук выходит слишком громким, и сердце неприятно ухает вниз: Тео запросто может от него проснуться.

Она напряжённо прислушивается, задерживает дыхание. Несколько секунд тянутся мучительно долго, но из спальни не доносится ни звука.

Телефон в кармане спортивных штанов вибрирует, отдавая короткой дрожью в бедре. Мия вздрагивает, быстро достаёт его и открывает входящее сообщение, стараясь действовать как можно тише.

Р: Я в больницу на занятия. Могу потом по пути домой заехать купить пиццу или что-нибудь сладкое.

М: Хочу мятное мороженное.

Р: Чтобы потом опять нить, что тебе и так холодно, а после мороженого стало ещё хуже?

М: Ага. Раз уж не могу найти повод для радости, буду искать повод для капризов.

Рейн отправляет в ответ смайлик с улыбкой, и на этом диалог заканчивается.

Мия выходит из гардеробной с тоскливым тяжёлым чувством в груди, словно покидает свой маленький островок спокойствия. Плотно закрывает за собой дверь, будто пытаясь сохранить это ощущение внутри, и ложится на кровать, вытянув ноги.

Через тонкие прутья манежа она наблюдает, как сладко спит сын. Дыхание ровное, почти неслышное. Мия разглядывает его розовые пухлые щёчки, губки бантиком, мягкие складочки на шее. Волосы у него на несколько тонов светлее её — то, что Тео унаследовал от отца.

А вот внешне он удивительно сильно похож на Рейна. Курносый нос — единственное, что явно от Мии. Всё остальное: разрез глаз, форма губ и бровей, даже взгляд, который иногда мелькает на долю секунды, — точная копия брата в детстве. И от этого становится одновременно спокойно и немного больно.

Иногда Мия в шутку обижается. Девять месяцев мучилась она, через роды тоже прошла она, а похож он, видите ли, на дядю. Эта мысль всегда вызывает у неё кривую улыбку и тихое фырканье себе под нос.

Но каждый раз, когда она видит, как Рейн смотрит на малыша долгим, внимательным взглядом, наполненным безграничной любовью, в её душе разливается тепло. Спокойное, уверенное. Страх, что сын вырастет без мужской опоры, отступает, словно ему больше нет места в её мыслях.

В голове всплывает воспоминание их разговора, когда она ещё была в роддоме. Рейн всё выпытывал у неё, каким боком рядом с ней в момент схваток оказался Лиам. Вопросы сыпались один за другим, будто между строк скрывается что-то важное.

Сестра не утаивала ни одной детали. Несколько раз повторяла одну и ту же историю, слово в слово, терпеливо, почти устало. Но брату это не давало покоя. Он снова и снова возвращался к одному и тому же, цеплялся за мелочи.

Видимо, это событие всколыхнуло в нём давнее чувство вины. И, наверное, он хватался за любое слово в попытке найти хотя бы намёк на то, что всё ещё может получить прощение со стороны бывшего друга.

А позже, уже от Бри, они узнали, почему Лиам тогда предложил именно это имя. Так звали их погибшего отца. Эта деталь легла на всё произошедшее совсем другим, тяжёлым смыслом.

Рейн не знал об этом факте до того момента. Тогда он сильно растерялся, разнервничался, даже предложил Мие выбрать другое имя из-за волнения, что это может ранить Бри или Лиам. Слова сыпались поспешно, будто он пытался срочно всё исправить, не до конца понимая, что именно.

Бриэль долго убеждала его, что всё в порядке, что в этом нет ничего неправильного. Говорила спокойно, терпеливо, раз за разом возвращая разговор в разумное русло.

Но в итоге всё взяла в свои руки Хлоя. Холодным, жёстким тоном она отрезала, что парень накручивает себя на пустом месте. Без сантиментов, без обсуждений. А Рейн, до сих пор так сильно окрылённый их отношениями, просто послушно согласился. Даже не стал спорить.

Мия переворачивается на другой бок, полностью погружаясь в воспоминания и собственные мысли, которые скачут от одной к другой, не давая сосредоточиться на чём-то одном. Комната тонет в полумраке из-за задёрнутых штор.

Не считая родных, она никогда никого не любила. Сын подарил ей новое чувство — сильное, всеобъемлющее, — но это совсем не то же самое, что у Эша с Бри или у Рейна с Хлоей. У Тео есть мужская опора, и это даёт ей спокойствие. А вот ей самой сейчас её очень не хватает. Не братьев, не папы — именно родственной души.

Она умеет любить. Искренне, безгранично, так, что свернёт мир ради того, кто ей дорог. Это она знает о себе точно. Но пока ей просто не для кого совершать такие поступки.

Даже отношений у девушки никогда не было. За ней ухаживали, оказывали знаки внимания, говорили правильные слова. Но одни быстро сдавались, не справляясь с её внутренним ураганом эмоций и слишком ярким характером. Другие же пытались её погасить: надавить, прижать своей властью и контролем. И ни один из вариантов ей не подходил.

Правильно Рейн всегда шутит: ей нужен одновременно сильный, уверенный, властный, но в то же время мягкий и заботливый рядом с ней. Сочетание почти невозможное, и, увы, такие встречаются только в детских мультиках или на страницах книг.

Но упрямый характер продолжает шептать на подкорке сознания: она найдёт своего человека. Когда-нибудь. Он примет её такой, какая она есть, а девушка в ответ подарит ему свою чистую, безусловную любовь. И эта мысль, тихая и упорная, согревает её больше, чем всё остальное вокруг.

Глава 3

— С днём рождения! — раздаётся в телефоне осипший от простуды голос Бри. — Жаль, что я не смогла приехать, но боюсь заразить вас с Тео.

— Спасибо за подарок! — визжит от восторга Мия, разглядывая новые сапожки синего цвета со свисающими со всех сторон цепочками. — Я уже придумала, какие брелки на них повесить!

— Рада, что тебе понравилось.

— Когда ты выздоровеешь, устроим девичник. Я, ты и Хлоя. Вечер в уютных пижамах с кучей вредной еды. Но, возможно, я вырублюсь посреди вечеринки.

На том конце телефона раздаётся хриплый смешок.

Попрощавшись с Бри, Мия сбрасывает звонок и мчится в гардеробную, чтобы переодеться во что-то более праздничное, чем то, что привыкла носить последние недели. Пока Эш не отрывает взгляда от племянника, у синеволосой появляется несколько свободных минут.

Она перебирает вешалки, пальцы бегают по тканям, прислушиваясь к собственной интуиции. И вот взгляд цепляется за комбинезон ярко-фиолетового цвета с белым цветочным узором. В голове мелькает мысль — такой образ точно поможет ей настроиться на нужное настроение.

Быстро натянув наряд, девушка садится на пол у зеркала, подтягивая ноги чуть ближе, чтобы удобнее разместить косметичку перед собой. Она открывает её и аккуратно берёт кисточки и тюбики. На глаза ложатся лиловые тени, мягко растушёвываясь по векам; тонкий слой туши подчёркивает ресницы, не перегружая взгляд. Губы сияют прозрачным блеском, а на щёки Мия лёгкими движениями наносит мерцающие румяна, которые при свете лампы играют бликами и добавляют лицу живости.

Перед тем как выйти из комнаты, она ловко надевает ободок с кошачьими ушками, ловя отражение в зеркале, чтобы убедиться, что всё на месте.

Хлоя тем временем уже заботливо помогла Рите накрыть на стол, расставив аккуратно тарелки и приборы. А Рейн с Эшем всё никак не могут поделить племянника.

— Ты можешь проводить с ним круглые сутки, дай мне хоть немного подержать его, — возмущается старший брат.

— Вот именно, он к тебе ещё не привык, поэтому плачет. Дай я его успокою.

— Мия, заведи у них Тео. А то подерутся, — кричит Хлоя из соседней комнаты.

— Пусть дерутся. Лишь бы меня не трогали. — С лукавой улыбкой Мия идёт на кухню, чтобы помочь маме.

Стоит только всем собравшимся сесть за стол, как Тео заливается громким плачем, ясно давая понять, что про него забывать не стоит и кормить его пора уже сейчас.

Мие приходится забрать ребёнка из рук Эша и скрыться в спальне родителей. Выбранный наряд оказывается не самым удачным для этого. Девушка возится с тканью, неловко тянет её вниз, кое-как спускает один рукав, затем оттягивает бюстгалтер, тихо выдыхая от раздражения. Лишь после этого ей удаётся устроиться поудобнее и наконец приложить сына к груди. Тео постепенно затихает, уткнувшись носом в кожу.

— Нужна помощь? — раздаётся голос подруги через дверь.

— Нет, но можешь войти.

Хлоя заходит в комнату и садится на край кровати.

— Ты как? — начинает она разговор. — В последнее время было мало возможности поговорить.

— Хорошо, что я вообще ещё говорить не разучилась. Иногда кажется, что вместе с ним, — она кивает на сына, — я родила ещё и мозг. И теперь живу без него.

— Сильно устала?

— Устала, — честно признаётся синеволосяя. — А прошёл всего месяц. Но если в общем, то всё в порядке.

— Третье дыхание помогает? — подшучивает та и подмигивает.

— Не-а. Скорее трезвый взгляд на реальность.

— Куда сегодня собираешься, пока мы будем сидеть с малышом? — переводит тему блондинка.

— Понятия не имею. Просто пойду куда-нибудь. Решу по факту.

Пока девушки болтают, Тео успевает уснуть. Хлоя закатывает в спальню родителей коляску и приносит со второго этажа видеоняню. Оставив малыша в тишине, девушки возвращаются к столу.

— Ты уже такая взрослая, моя девочка, — начинает мама.

— Перестань, мои гормоны ещё не восстановились и я не хочу, чтобы по лицу растеклась тушь от слёз, — шутливо отмахивается дочь.

Они словно вернулись в прошлое: в то время, когда все просто сидят за одним столом, беседуют, смеются, перебивают друг друга и по-настоящему хорошо проводят время. Будто всех трудностей последнего года и не было вовсе. С прошлого дня рождения Мии многое изменилось. Настолько, что иногда происходящее кажется нереальным, почти выдуманным.

Сначала — жуткая правда о той аварии. Затем переезд Эштона, спешный и болезненный. Травма Рейна, после которой он до сих пор приходит в себя.

Беременность и роды. Бессонные ночи, страх, усталость, новая ответственность. Всё это навалилось разом, без пауз и передышек.

Но что остаётся неизменным — они вместе. Большая, шумная, немного хаотичная семья, где всегда есть место теплу, любви и поддержке. И именно рядом с этими людьми в Мие не гаснет оптимизм и вера в то, что впереди обязательно будет что-то лучшее. Даже если путь к этому окажется не самым простым.

— Ну всё, я пошла, — объявляет синеволосяя, стоя на пороге в тёплой розовой куртке и новых сапожках. — Если что, не звоните ни при каких обстоятельствах.

— Застегнись, — бурчит Рейн. — Тебе надо беречь себя.

— Всё, ушла, — хихикает сестра и спешно закрывает за собой дверь, чтобы избежать дальнейших нотаций старших братьев.

Спустившись с крыльца, она на секунду замирает, прислушиваясь к тишине вокруг и к себе. В голове быстро проносятся мысли: молоко сцежено на всякий случай, Тео уже спит, а даже если проснётся — он под присмотром сразу четырёх членов семьи и подруги. Этого более чем достаточно.

Позволив себе наконец облегчённо выдохнуть, Мия бездумно сворачивает с дорожки и просто идёт вперёд. К чему её приведёт этот путь и чем закончится вечер — остаётся загадкой. Но это её не пугает. Наоборот, внутри тихо разгорается давно забытое чувство свободы.

Дойдя до центра города, Мия заходит в небольшое уютное кафе, где пахнет кофе и чем-то сладким. Она заказывает горячий шоколад и расплачивается деньгами, которые ей подарили родители.

«Потрать не на сына, а на себя», — сказали они. И кто она такая, чтобы с этим спорить.

Усмехнувшись себе под нос, Мия делает первый горячий глоток, чувствуя, как густой шоколад обжигает язык и медленно согревает изнутри. Такие вкусы теперь стали редко-

стью. У Тео обнаружили аллергию, и заботливой маме приходится тщательно следить за своим питанием.

Она перечитала кучу статей в интернете: где-то пишут, что то, что ест мать, напрямую влияет на ребёнка; в других уверяют, что это бред прошлого века. Истина где-то посередине, но рисковать Мия не решается. Лучше лишний раз отказаться, чем потом винить себя.

Сидеть внутри помещения нет никакого желания, и Мия выходит на воздух, унося с собой тёплый стакан, и идёт дальше.

Вечерний город живёт своим привычным темпом. Люди снуют по тропинкам: кто-то гуляет без цели, кто-то, судя по строгой одежде и быстрым шагам, явно спешит домой после рабочего дня. Где-то слышны обрывки разговоров, смех, гул машин.

Но для неё всё это остаётся только фоном. Мия не слышит почти ничего вокруг, кроме шуршания листвы под ногами и тихого побрякивания брелков, которые она уже успела нацепить на сапожки. Этот звук успокаивает, задаёт ритм шагам и позволяет быть здесь и сейчас, наедине с собой.

Бездумно блуждая по городу с уже пустым стаканчиком в руке, Мия не замечает, как оказывается в более безлюдном районе. В отличие от центра города, здесь заметно тише, а фонари освещают улицу неярко, рассеянным светом, оставляя по углам мягкие тени.

Она выбрасывает стакан в мусорный бак и тянется в карман за телефоном. Открывает приложение с видеонаблюдением и тихо прыскает от смеха. На экране два брата валяются на её кровати, устроившись слишком близко и явно неудобно. Их губы шевелятся, но разобрать слова невозможно. Зато ясно другое: оба упорно не отрывают взгляда от спящего Тео, будто стоит им хотя бы моргнуть, и сон малыша тут же рассыплется.

Убедившись, что всё под контролем, Мия убирает телефон в карман и поднимает взгляд. Вдали мерцает яркая вывеска, выбиваясь из общей темноты и настойчиво притягивая внимание.

Она идёт к ней, почти не раздумывая, как мотылёк на свет, позволяя ногам вести себя вперёд. И только подойдя ближе, наконец разбирает надпись.

Название боксёрского клуба.

Мия замирает на секунду. Бриэль как-то между делом упоминала, что Лиам занимается именно здесь. Синеволосая, как обычно, может забыть что-то действительно важное: даты, договорённости, имена. Зато такие мелочи странным образом намертво застревают у неё в голове, всплывая в самый неожиданный момент.

Не заботясь о тактичности в своей привычной манере, Мия уверенно распахивает дверь и заходит внутрь. Стойка ресепшена пуста, вокруг тихо, но где-то в глубине здания слышится глухой шорох.

Лиам может и не быть здесь в такое позднее время. Эта мысль мелькает где-то на краю сознания, но Мия всё равно решает проверить. Она идёт вперёд, шаги гулко отдаются от стен.

В конце коридора её встречают широкие двустворчатые двери. Не раздумывая, Мия упирается ладонями и толкает сразу обе.

— Ау! — подаёт она голос, оглядываясь по сторонам.

Её нос морщится от ударившего в лицо запаха: смесь металла, резины, пота и сигаретного дыма.

— Мы закрыты, — кто-то отвечает ей грубым тоном. Дальше она вслушивается в едва различимый шёпот: — чёртов Дарелл. Просил же закрыть дверь на ключ.

— Я Лиам ищу. Знаете такого? — не унимается незваная гостья.

— Это я. Что вам... Мия? — Из соседнего помещения показывается высокая фигура парня.

— О, привет, — широко улыбается девушка. — Вот так повезло.

— Ты что тут делаешь? — без приветствия спрашивает он, нахмутив брови.

— Да я гуляла. И наткнулась на это место. Вспомнила, что ты тут занимаешься, решила проверить. А то вдруг я что-то напутала. Меня, знаешь ли, память стала подводить. Ну роды, недосып... а, ну ты же в курсе, — тараторит она, не переставая улыбаться, словно ведёт беседу с лучшим другом.

— Мия, — вздыхает устало Лиам. — Иди домой. То, что я тогда тебе помог — не меняет ничего.

— Да, конечно, — отмахивается она рукой, рассматривая зал. — А ты тут один? Где все? Лиам выходит из тени и подходит к назойливой девушке ближе, двигаясь неторопливо, но уверенно. Он останавливается прямо перед ней, так близко, что Мие приходится задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Со стороны картина, наверное, выглядит странно. Довольная девушка с широкой, лучезарной улыбкой смотрит на парня так, словно только что успела нашкодить и совсем об этом не жалеет. А он стоит напротив: плечи напряжены, челюсть сжата, взгляд хмурый и тяжёлый, будто Лиам всерьёз рассчитывает испепелить её одним лишь взглядом и заставить наконец исчезнуть с его поля зрения.

— Ого, — Мия опускает глаза на его пресс. — Нифига себе. Это благодаря тренировкам? — она бесстыдно кладёт ладонь ему на живот, проводя ногтями по чётко очерченным кубикам, заставляя парня вздрогнуть. — Я тоже такие хочу! Ну или хотя бы чтоб мой живот сейчас не выглядит, как испорченное желе.

— Мия, я же сказал... — цедит Лиам сквозь зубы, но договорить не успевает.

— Решено, — прерывает его та. — Тоже начну заниматься боксом!

— Ты сдурела? — с удивлением вырывается из парня.

— Ага. Уже на стенку лезу от просиживания штанов в доме. У вас есть вечерняя группа? Мне было бы удобнее часов в девять два раза в неделю. Как раз Тео уже спит в это время и я могу оставить его с родными...

— Тео? — переспрашивает Лиам.

— Бри не говорила? Там такая ситуация смешная. — Своим весельем девушка заставляет парня впасть в ступор. — Короче после родов спросила я Рейна как назвать сына, он предложил то же имя, что и ты. А мне самой лень было думать. Я решила — так тому и быть. Но мы не знали, что так звали вашего папу, честно, — тон девушки становится жалобным. — Прости, если тебе это не по душе. Но уже как есть.

— Мне плевать, — бросает Лиам, но его губы тут же сжимаются в тонкую линию.

— Ну так что насчёт вечерней группы? — игнорирует синеволосая его агрессивный настрой.

— По вечерам тут я провожу занятия. А тебя видеть на них не желаю.

— А... — Мия шумно сглатывает, наконец осознав враждебность в свой адрес. — А если я пообещаю, что не буду так много болтать? Буду просто заниматься где-нибудь в уголке.

— Мия. Тебе пора.

Тон Лиамы и злой взгляд заставляют девушку вздрогнуть и сделать шаг назад.

— Ладно, — тихо произносит она. — Поняла, ухожу...

Она делает шаг в сторону выхода, но брелки на её сапожках цепляются друг за друга. Мия спотыкается, теряет равновесие и начинает заваливаться вперёд.

Лиам реагирует быстрее, чем она успевает испугаться. Он перехватывает девушку, крепко удерживая за талию и плечо, не давая её лицу встретиться с холодным бетонным полом.

— Боже, нафига тебе этот бред? — с раздражением кивает он на её ноги, помогая встать.

— Это Бри с Эштоном вообще-то сегодня подарили! — возмущается девушка на его грубость. — Сам будешь объяснять сестре, почему назвал её подарок на мой день рождения бредом!

Лиам на секунду замирает, сжимая Мию чуть крепче, и в голове мелькает воспоминание о том, что сегодня её день рождения. На короткое мгновение ему вдруг становится совестно. Но он сразу же отмахивается от этого чувства, снова давая волю злости и недовольству.

— Ладно, я домой. А то Тео скоро надо будет кормить.

— Ты сказала, что гуляла, — вдруг говорит он, резко оторвав от неё руки. — Пешком? Без машины?

— Угу.

— И домой тоже теперь пойдёшь пешком?

— Ну да. Проведу последние минуты покоя наедине со своими мыслями.

— Уже поздно. И в этом районе достаточно темно.

— Да нормально, сюда же добралась без приключений, — беззаботно бросает девушка, даже не вдумываясь в слова парня.

— Мия, — твёрдо говорит он, заставляя её остановиться на полпути. — Стой здесь. И без сюрпризов. Сейчас вызову тебе такси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.